

V.I. Penkrat, PhD of law, associate professor, professor of the chair of civil and labour law of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

USING TECHNOLOGY EDUCATION IN THE GLOBAL INFORMATION NETWORK IN STUDYING THE CYCLE OF LAW SUBJECTS

The article deals with the essence technology education in a global information network and its application in the study of legal disciplines cycle illustrated by family law.

Keywords: education, information, technology, innovation, action- value-based approach to education, a three-tier system of construction tasks, creativity, function of the teacher.

УДК 947.6

С.А. Семенова, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ КУПЕЧЕСТВА БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Показаны некоторые особенности формирования купеческого сословия в Беларуси, которые были обусловлены неоднозначной политикой Российской империи по отношению к данному сословию. Анализируются личные и имущественные права купечества Беларуси, налоговая политика государства в отношении данного сословия. Говорится о том, что политика Российской империи стала одной из причин низких темпов развития торговли и товарного производства в Беларуси, в результате чего можно отметить медленное развитие капитализма как в экономической, так и в социальной сферах.

Ключевые слова: купечество, политика, права, обязанности, торговля, промышленность, поздний феодализм, буржуазные отношения, сословия.

Анализируя политику Российской империи в отношении купечества Беларуси в последней четверти XVIII – первой половине XIX в., закрепленную в законодательстве, можно назвать ее неоднозначной и даже противоречивой.

Купечество было наделено определенными личными, имущественными и политическими правами, приобретаемыми совместно с обязанностями, которыми обременяло купцов государство. Сословные права могли приобретаться как лично – путем покупки гильдейского свидетельства, так и производно – при вступлении в брак, рождении и усыновлении. Тот, кто хотел получить свидетельство о зачислении в купечество, должен был заявить о своем капитале и о выполнении всех повинностей данной категории населения. Вместе с членами своей семьи он вступал в состав купечества того места, где был записан. Утрачивались купеческие права в случае банкротства, незаявления о капитале и невыполнения всех повинностей.

Согласно Грамоте на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. устанавливались три купеческие гильдии: в первую записывались лица обоего пола, объявившие капитал свыше 10 тыс. рублей, во вторую – от 5 тыс. до 10 тыс. и в третью – от 1 тыс. до 5 тыс. рублей [23, с. 368]. Архивные источники конца XVIII в. выделяют по городам Беларуси не только гильдейское купечество: большинство источников причисляют к купцам купечество трех гильдий, мелких торговцев, торгующих крестьян и т. п. В конце XVIII – начале XIX в. в белорусских городах насчитывалось около 5180 человек обоего пола купеческого населения, но если учесть, что в среднем купеческая семья состояла из пяти человек и вычсть мелких торговцев, то численность гильдейского купечества в конце XVIII в. была немногим более 200 человек, или 0,2 % от общей численности городских жителей [20, л. 27–30].

Состоящим в первой и второй гильдиях в соответствии с законами Российской империи разрешалось заниматься внутренней и внешней торговлей (оптовой и в розницу). Таким купцам государство разрешало организовывать и содержать фабрики, заводы и морские суда.

Купцам третьей гильдии законодательством было предусмотрено осуществлять «мелочный торг» по городу и уезду, продавать мелочный товар в городе и округе, этот мелочный товар «возить водою и сухим путем» по селам, селениям и сельским торжкам. Третьей гильдии не запрещалось иметь «малыя» речные суда. Третьей гильдии позволено было иметь трактиры, содержать постоялые дворы для проезжих и прохожих людей [23, с. 368–369].

Однако, имея право на заключение торговых договоров: на откупа и подряды на занятие торговлей, местной, розничной и оптовой, транзитной, на обладание разного рода промышленными предприятиями, купцы сталкивались с трудностями в применении этих своих прав, оставшимися от более раннего периода развития феодальной системы, отмеченного неразвитым и замедленным товарооборотом и скованностью индивидуального предпринимательства общинной поруккой.

Для того чтобы заключить договор о поставке в казну какого-либо товара, каждый купец должен был представить «одобрение» от городского общества и, кроме того, поручителей за себя. «Одобрение» означало, что перед лицом правительстве все купечество города материально отвечало за выполнение подрядившимся купцом своих договорных обязательств, а поручители, в свою очередь, отвечали за это же перед городским обществом. Рассмотренный порядок заключения договоров на поставку в казну то-

варов указывает на дополнительное значение объявления купцами капиталов. Помимо прямого применения – для записи купца в ту или иную гильдию – оно должно было свидетельствовать о платежеспособности как подряжающихся купцов, так и поручителей.

Закрепление на год вперед объема и характера торгово-промышленной деятельности каждого купца, связанное с записью в определенную гильдию, не могло не вызывать затруднений у горожан в их хозяйственных оборотах. По мнению П.Г. Рындзюнского, положение несколько облегчалось тем, что в Жалованной грамоте городам 1785 г. характер промысловой деятельности разных категорий горожан обозначался весьма приблизительно, и это позволяло на практике далеко отходить от норм закона. Вместе с тем недостаточно четкая формулировка в иных случаях могла вести к произвольному истолкованию законов местными властями в ущерб интересам частного предпринимательства [28, с. 44–45].

Ограничение срока отлучки по-своему отягощало и купцов. Создавалось противоречие между правом купцов высших двух гильдий на торговлю по всем городам Российской империи и их связанностью паспортной системой. Правда, индивидуализированное обложение и свобода от рекрутчины, как и от других натуральных повинностей, делали выход купцов из городов гораздо более свободным, чем мещанства, но все же получение паспорта связывало купца двояким образом: приходилось уплачивать подати вперед за весь срок отъезда, разрешение на отъезд зависело от других купцов, верховодивших в органах городского управления, – часто конкурентов желающего уехать.

Медленно проходили дела по переписке купцов и мещан из одного города в другой, для этого требовались разрешения многих лиц и учреждений [28, с. 47].

Но, несмотря на все ограничения, юридически и фактически имущественные права купцов были защищены. Признавалась неприкосновенность недвижимого и движимого имущества горожанина [28, с. 46].

Манифестом от 1 января 1804 г. городскому купечеству были дарованы новые выгоды. По данному закону любой, объявивший определенное количество капитала, имел право записываться в гильдию. Закон не смешивал уже подрячика, откупщика или лавочника с действительным купцом, под которым подразумевался торгующий только оптом или ведущий портовую или заграничную торговлю, а также «кораблехозяин» и банкир, основывающий свою торговлю на вексельном переводе. К подрядам и откупам, где по сложности годовая сумма превышала 12 тыс. рублей, не допускались купцы третьей гильдии, а где превышала 50 тыс. рублей – купцы второй гильдии. Действительный купец первой гильдии именовался первостатейным купцом. Первостатейному купечеству было дано право быть выбираемыми по городским службам только в почетнейшие места. Для увековечивания памяти родов первостатейного купечества открывалась «Бархатная книга знатных купеческих родов». Существование до этого времени звания именитого гражданина, как смешивающее разнородные достоинства, для купечества было отменено, а тем, кто носил это звание, предоставлялось право войти в гильдии на общем основании [1, с. 47–48]. Безусловно, данное нововведение ограничивало права основной массы купечества.

Однако уже в 30-х гг. XIX в. были предприняты меры для улучшения правового положения купечества в силу того, что именно эта категория населения, по мнению правящих кругов, могла стать опорой абсолютизма и сохранения феодально-крепостнической системы. 10 апреля 1832 г. было утверждено постановление о почетных гражданах. Все, кто мог получить это звание, делились на две группы. Одни имели на него право по рождению (дети личных дворян) или по аттестату университетов и Академии художеств. Другие, в том числе советники коммерции и мануфактур, купцы, состоявшие в своей гильдии безвыходно определенный срок (первой гильдии – 10 лет, второй гильдии – 20 лет) или получившие ордена, дети купцов, получившие гражданские чины не в порядке службы, могли получить звание почетного гражданина лишь по собственной просьбе. Таким образом, даже крупнейшее купечество несколько ограничивалось в правах по сравнению с детьми личных дворян и представителями интеллигенции.

Реальные преимущества почетного гражданства были небольшими. Почетные граждане состояли в освобождении от подушной подати и рекрутской повинности; позднее к этому добавилось освобождение от телесного наказания по суду. Всеми этими «свободами» купцы обладали и раньше; реальное значение имело то обстоятельство, что эти права закреплялись за лицами, возведенными в почетное гражданство, и не зависели больше от пребывания их в гильдии.

Почетный гражданин на городских выборах входил в группу избирателей – владельцев недвижимой собственности в городе, т. е. занимал то же место, которое по Жалованной грамоте городам 1785 г. предназначалось в городе дворянину; он имел право называть себя во всех актах почетным гражданином, причем это обозначение присоединялось к указанию гильдии, если он был и оставался купцом.

К подобным внешним почестям и привилегиям купцы не могли быть равнодушны, но отсутствие реальной пользы для них от пребывания в почетном гражданстве снижало значение нового звания. Это обстоятельство, а также то, что только малая часть купцов, самая зажиточная, могла добиваться почетного гражданства, обусловило его малочисленность [28, с. 171–172].

Неоднозначной можно назвать налоговую политику Российской империи в отношении купечества Беларуси. Согласно манифесту от 17 марта 1775 г. с купцов вместо подушных податей собиралось по 1 % от объявленного капитала и они делились на гильдии [1, с. 48]. Указы Сената начала XIX в. обязывали купцов первой и второй гильдии платить в казну по 4 % от объявляемого капитала [2, л. 8–10; 18, л. 236], купцов третьей гильдии в губернских городах – по 2,5 %, а в уездных – по 1,5 % [16, л. 144]. В 1818 г. в городах Минской губернии с купеческих капиталов взималось не 4, а 4,75 %; на устройство дорог купцы

отчисляли по 5 % от уплачиваемых ими податей, а остальные податные сословия – по 25 копеек; на устройство водных путей сообщения с купцов взималось по 5 копеек с души [15, л. 1–10]. Кроме того, манифест от 1 января 1807 г. определял 0,25 % от купеческих капиталов уплачивать в пользу городов, где проживали купцы. В дальнейшем эти деньги вносились в местные приказы общественного призрения; было разрешено раздавать эти деньги в ссуду тем же купцам под залог и поручительство. С января 1813 г. все накопления были причислены к государственному доходу [11, л. 199].

Купцы платили подати в два срока: первую часть (половину) с 1 января до 1 июля и вторую – с 1 июля до 1 января [8, л. 1,4]. Гильдейские купцы обязаны были платить на основании ст. 93 Жалованной грамоты городам процентный налог с объявляемого капитала до наступления нового календарного года, а именно с 1 декабря по 1 января [20, л. 27–30]. Недоимки должны были уплачивать городские думы, ратуши или магистраты. Указ Сената от 7 ноября 1818 г. постановлял, что если кто из купцов не уплатит в декабре процентных денег с капитала, то с 1 января следующего года он будет исключен из гильдии и записан в мещанство с запретом на торговлю [12, л. 55]. В отличие от мещан каждый купец лично отвечал за исправное внесение платежей, поэтому купцам разрешалось беспрепятственно переходить в другие города и губернии, лишь при получении паспорта они обязаны были уплатить процентные деньги с капитала на весь срок отлучки [13, л. 299]. Если купцы не возвращались в свои городские общества, они должны были платить 1 % от капитала, объявленного ранее [22, л. 1].

Купцы освобождались от рекрутской повинности и от уплаты денег за рекрутов [10, л. 311]. Правда, были исключения: за неблагонадежность, скверное поведение купцов иногда отдавали в рекруты [21, л. 1].

Если купеческий капитал переходил по наследству, то в казну необходимо было дополнительно уплатить 1 % от объявленного капитала. Часто купцы скрывали действительные размеры имеющегося капитала [17, л. 7–9]. Например, в 1803 г. при описи имущества минского купца первой гильдии Кивовича оказалось не 50 тыс. рублей [6, л. 20–34], как было объявлено, а 55 тыс. [7, л. 7]. Подобные сведения есть о гродненском купце Давыдовском [3, л. 1–7].

Жесткая налоговая политика проводилась государством в отношении еврейского населения Беларуси. Если по Жалованной грамоте городам 1785 г. от объявленного купцами капитала с христиан взимался налог в размере 1 %, то с евреев – по 2 % [5, л. 29; 24, с. 532]. Двойной размер налога с купцов еврейской национальности, которые в конце XVIII в. составляли в Беларуси 54,5 % [27], вызывал уменьшение оборота капиталов. Кроме того, указом Сената от 23 июня 1794 г. евреям разрешалось торговать только в так называемой черте еврейской оседлости, т. е. в белорусских, а также Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерниях и Таврической области [24, с. 532]. Им запрещалось торговать в центральных губерниях России и в уездах, расположенных от границ на расстоянии менее 50 верст [4, л. 1; 26, л. 1]. Правда, указом от 8 ноября 1807 г. еврейское гильдейское купечество приравнивалось в правах с купечеством христианского вероисповедания и обязано было платить в казну 0,25 % от объявленного капитала вместо двойного процентного оклада [9, л. 349].

В середине 20-х гг. XIX в. большое внимание уделялось преобразованию податной системы. Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний 1824 г. устанавливало процентный сбор с купеческого капитала, который увеличился: с купцов первой и второй гильдии поступало в казну 4 %, с купцов третьей гильдии – 2,5 % (в уездных городах – 1,5 %) от объявленного капитала [16, л. 144]. Правда, для двух белорусских, двух литовских и Минской губернии полагалось платить в течение 10 лет уменьшенную льготную подать, а именно: купцы первых двух гильдий платили гильдейские подати по 1,5 % от капитала, подати на развитие водного и сухопутного сообщения по 10 % от податного рубля, на земские повинности по 0,25 % от капитала, на городские повинности по 0,25 %. Купцы третьей гильдии платили гильдейские подати по 2,5 % от капитала, подати на развитие водного и сухопутного сообщения по 10 % от податного рубля, на земские повинности 0,25 % и столько же на городские [25, с. 593–594]. Постановлялось, что купцы в западных льготных губерниях, имеющие дома в губернских городах, не могут быть записаны в уездные города [25, с. 594]. Кроме того, за внесение в так называемую обывательскую книгу в 1832 г. был учрежден сбор с купцов первой гильдии в размере 100 рублей, второй гильдии – 50 рублей, третьей гильдии – 10 рублей серебром [19, л. 527]. Увеличение налога, по мнению местной администрации, явилось одной из причин некоторого сокращения численности гильдейского купечества в Беларуси в 20-х гг. XIX в. [14, л. 147].

Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний 1824 г., автором которого был министр финансов Е.Ф. Канкрин, можно рассматривать как попытку установить жесткую регламентацию торговой и промышленной деятельности в городе. В соответствии с этим документом вводилось шесть разрядов промысловых свидетельств. Так, обороты по первому разряду свидетельств могли быть безграничны, а по второму ограничивались тем, что у держателей свидетельств второго разряда в одной партии товаров должно было быть не больше, чем на 50 тыс. рублей, а размер годового оборота по торговле не должен был превышать 300 тыс. рублей. Брать казенные подряды и откупы, а также заключать частные договоры и маклерские условия эти торговцы могли лишь на сумму до 50 тыс. рублей. Им запрещалось заниматься банковскими делами и иметь страховые конторы. На то имели право только купцы первой гильдии. Держателям свидетельств первого и второго разряда разрешалось содержать всякого рода фабрики и заводы, они также могли заниматься всеми ремеслами, оптовой (внутренней и внешней) торговлей и т. д.

Держатели свидетельств третьего разряда имели право содержать в своем городе фабрики и заводы в определенных отраслях, а также небольшие домашние заведения и «станы» с числом наемных рабочих

не более 32 человек. Они могли торговать не только в городе, но и в уездах, могли закупать крестьянские товары и продавать в розницу в городе. Однако им запрещалось продавать заграничные товары. Когда держатели свидетельств третьего разряда торговали более чем в трех лавках, то должны были покупать особый билет на каждое дополнительное торговое место. Они могли иметь свои корабли, но должны были перевозить на них только чужой груз. Таким образом, эти торговцы оказались замкнутыми в пределах уезда, к которому были приписаны, и во всех других городах должны были как бы заново записываться в купцы или покупать торговое свидетельство [1, с. 50]. Свидетельства четвертого, пятого и шестого разрядов в значительной степени ограничивали их владельцев в правах на предпринимательскую и торговую деятельность.

Купцы первой гильдии по гильдейской реформе 1824 г. обязаны были «принимать на себя» только должности городских голов, купцы второй гильдии – должности бургомистров и ратманов, а купцы третьей гильдии – должности городских старост, членов шестигласных дум [25, с. 593].

Введение гильдейского положения 1824 г. отразилось самым тяжелым образом на огромной массе мелких промышленников и торговцев, которые были не в состоянии выплатить новые промысловые пошлины и разорались. Сразу же после его введения развернулось массовое движение протеста против новой податной системы. Царское правительство вынуждено было пойти на коренное исправление гильдейского положения 1824 г.

В целом политика Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в отношении купечества Беларуси не способствовала дальнейшему развитию прогрессивных буржуазных отношений. Она была направлена на сохранение старых феодально-крепостнических порядков за счет создания неблагоприятных условий для развития торговли и частного предпринимательства, для накопления капитала в руках купечества.

1. Атрушкевич, М.М. Городские реформы в Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. : учеб. пособие / М.М. Атрушкевич. Минск : БГПУ, 1999.

2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). Ф. 1. Оп. 1. Д. 401.

3. НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80.

4. НИАБ в Гродно. Ф. 2. Оп. 3. Д. 601.

5. НИАБ в Гродно. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 19.

6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 149. Оп. 2. Д. 180.

7. НИАБ. Ф. 149. Оп. 2. Д. 183.

8. НИАБ. Ф. 149. Оп. 2. Д. 778.

9. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 70.

10. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 80.

11. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 101.

12. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 138.

13. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 139.

14. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 250.

15. НИАБ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 767.

16. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 445.

17. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 720.

18. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 1320.

19. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 1954.

20. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2011.

21. НИАБ. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 357.

22. НИАБ. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 726.

23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) : 1-е собр. : в 45 т. СПб., 1830. Т. 22.

24. ПСЗРИ : 1-е собр. : в 45 т. СПб., 1830. Т. 23.

25. ПСЗРИ : 1-е собр. : в 45 т. СПб., 1830. Т. 39.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 18. Оп. 4. Д. 380.

27. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 94.

28. Рындзюнский, П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындзюнский. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Дата поступления в редакцию: 29.07.13

S.A. Semyonova, PhD of historical sciences, lecturer of the chair of the theory and the history of state and law of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE CONCERNING MERCHANTS OF BELARUS IN THE LAST QUARTER OF THE XVIII AND THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

In article the author shows some features of formation of merchants in Belarus which were caused by ambiguous policy of the Russian Empire in relation to this estate. In article personal and property rights of merchants of Belarus, a tax policy of the state concerning this estate are analyzed. The author claims that the policy of the Russian Empire became one of the reasons of low rates of development of trade and commodity production in Belarus therefore it is possible to note slow development of capitalism both in economic, and in social spheres.

Keywords: merchants, policy, rights, responsibilities, trade, industry, feudalism, bourgeois relations, estates.

УДК 93/94/(091)

Е.В. Серак, соискатель кафедры этнологии, музеологии и истории искусства Белорусского государственного университета, заместитель декана педиатрического факультета Белорусского государственного медицинского университета

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ССЫЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. В СИБИРИ

Анализируются теоретические подходы к изучению проблемы социально-культурной адаптации ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. в Сибири, выработанные отечественными и зарубежными исследователями XIX – начала XXI в. На основе историографического анализа делаются предварительные выводы, характеризующие степень изученности проблемы, намечается круг основных задач, решение которых позволит создать целостную картину изучаемого явления.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, методология адаптационных процессов, профессиональные аспекты, научно-просветительская деятельность, динамика занятости ссыльных, способы и результаты адаптации.

Процесс социально-культурной адаптации в Сибири ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. рассмотрен в работах отечественных и зарубежных исследователей XIX – начала XXI в. Историографию проблемы можно представить в хронологической последовательности, выделив в работах три основных направления: изучение аспектов государственно-правового регулирования осуждения повстанцев, функционирование системы ссылки в Сибирь, изучение условий реализации адаптационного потенциала изгнанников в местах ссылки, опыта профессиональной, просветительской и культурной деятельности.

Представители дореволюционной российской историографии восстание 1863–1864 гг. рассматривали как «польское». В рамках этой установки ссылка в Сибирь рассматривается в ракурсе этнической принадлежности. В связи с этим процессы, связанные с наказанием участников восстания 1863–1864 гг. из Литвы и Беларуси и их пребыванием в ссылке, не получили надлежащего анализа. Изучение данной проблематики в контексте политики царизма позволило исследователям затронуть только некоторые аспекты законодательства и административной деятельности в отношении ссыльных. Изучение ссылки и адаптации участников восстания 1863–1864 г. в Сибири начинается уже с 70-х гг. XIX в. Ссылка стала темой публицистических статей П.А. Кропоткина, которым отмечается ее несостоятельность в качестве исправительной меры [7]. В том же направлении, что и П.А. Кропоткин, проводил изучение проблемы русский публицист Н.М. Ядринцев [29].

Наиболее разноплановым исследованием дореволюционной российской историографии стала трехтомная монография С.В. Максимова [11]. Объектом исследования С.В. Максимова стала также деятельность ремесленных мастерских для ссыльных-горожан Тобольска за период 1864–1867 гг. Ученый пришел к выводу, что, получив работу, ссыльные отказывались от государственного пособия, сокращалось число побегов, был сдержан наплыв в сибирские деревни ссыльных горожан, не приспособленных к земледелию. В рамках данного исследования было положено начало методологии изучения адаптационных процессов для ссыльных.

В советской историографии 20-х – первой половины 30-х гг. XX в. происходили накопление и публикация отдельных материалов, связанных с историей политической ссылки в Сибири. Значительный вклад в этот процесс внес издававшийся Всесоюзным обществом политкаторжан и ссылопоселенцев журнал «Каторга и ссылка», в котором затрагивалась тема ссыльных повстанцев 1863–1864 г. в Сибири. Так, С.П. Швецов [28] и В.И. Николаев [16] обозначили такое новое исследовательское направление, как культурное влияние политической ссылки и роль ссыльных в научно-просветительской и краеведческой деятельности в Сибири.

В этот же период была издана работа П.Н. Луппова, в которой предметом анализа стала ссылка повстанцев 1863–1864 г. в Вятку [10]. Уделив значительное внимание материальным, бытовым, социальным и профессиональным аспектам жизни ссыльных, автор детально проследил территориальные границы, в которых должны были находиться ссыльные «уроженцы Царства Польского и Западного края». П.Н. Луппов первым поставил и разработал вопрос о сроках ссылки для повстанцев, отметил разницу в практике определения временных рамок ссылки в 60-х и 80-х гг. XIX в.

В историографии проблемы периода 60–80-х гг. XX в. появляется новый аспект. Адаптация в Сибири выходцев из Беларуси впервые была вписана в адаптационный процесс ссыльных участников «польского» восстания 1863–1864 гг. Исследователи начали разграничивать среди участников восстания уроженцев белорусско-литовских губерний и Королевства Польского.

В рассматриваемый период Р.Г. Круссер [8] и Л.А. Ушакова [25] сформулировали методологию исследования данной проблематики, и в дальнейшем советская историография обращается к данным исследованиям. Г.И. Мендрина первой определила медицинскую практику ссыльных в Сибири как наиболее раннюю и распространенную форму просветительской работы [13]. Автор проследила роль ссыльных врачей в деле становления медицинского обслуживания в регионе и распространения санитарно-гигиенических знаний среди местного населения.